

все в жизни складывается, а у кого-то — не во всем. У меня, видимо, в этой части не сложилось. Но зато есть стихи. Я иногда задумываюсь: а если бы все было безоблачно в моей жизни, если бы была нормальная патриархальная семья, может, и стихов не было бы?.. Я ведь их очень долго от всех скрывала. Но как-то показала Мише Задорнову и Володе Качану. Они их прочитали да и отнесли в журналы «Крестьянка» и «Юность». Их напечатали. Тогда я решила, что, раз мои стихи из подподушечных и дневниковых вышли в свет, значит, надо, наверное, поучиться этому делу. Да и вообще хотелось чего-то нового, потому что из театра я к этому времени ушла, в кино началось что-то непонятное, и мне нужен был какой-то духовный стимул. Я решила опять стать студенткой и опять все начать с нуля. А теперь уже вышло два моих стихотворных сборника: «Любовь» и «Кружась над золотыми куполами».

— *Стихи ваши глубокие, проникновенные, но очень печальные... «Не оборвись во мне, струна натянутая, не ослабни... Пусть жизнь моя пройдет бесславно, Не обойдя меня лишь в главном... Дай мне испытать всю боль до дна... Не оборвись во мне, струна...» Грустно...*

— Они у меня, как исповедь. Ведь на исповеди то, что в человеке скопилось, чаще всего выходит со слезами. И слезы смывают с души боль. В стихотворении я могла кричать о своих несчастьях или бедах, о своих несложившихся отношениях, о своей несчастной любви. Хотя в тот период она могла быть совершенно не несчастной, а наоборот, очень счастливой, но вот что-то показалось... Человек творческий может придумать себе гораздо больше, чем есть на самом деле. Но, конечно, то, что написано в стихах, не придумано мною. Это моя боль. Написание стихов делает мою жизнь легче. Так же, как и исповедь. Раньше я не знала толком, что это такое. Я пыталась исповедаться — приходила в церковь, но не представляла, как это надо сделать, и мне никто ничего не объяснял. Я подходила к

священнику, что-то мычала, мне отпускали грехи. И как я приходила с болью, так с нею и уходила... А по-настоящему я впервые исповедалась отцу Алексею, который спас моего Сашку. И поняла, что такое настоящий священник, который принимает чужую боль, пропускает ее через себя и перед Богом тебя отмаливает. У меня на той исповеди вдруг слезы стали литься ручьями и капать на каменный пол, из меня просто поток полил. Я даже не могла представить такого. И когда я вышла из храма, у меня появилось ощущение, что громадный груз спал... Сейчас наш батюшка — отец Сергей (Николаев), у него приход в Заозерье, мы ездим туда на большие праздники. А обычно посещаем наш ближайший храм, Сашенька в воскресную школу туда ходил. Чем раньше вводишь ребенка в храм, тем он естественнее и органичнее там себя ощущает. Мой внук Женя, которому скоро исполнится 9 лет, тоже ходит туда с очень маленького возраста.

— *Вы хотели бы, чтобы он стал актером?*

— Не знаю. Когда мой старший сын был маленьким, я была категорически против. Хотя Вася мог бы быть актером, он очень красивый мальчик. Но я считала, что это ни к чему. С моей точки зрения, в мужчине-актере концентрируются чисто женские качества, такие как зависть, тщеславие, самолюбование. То, что греховно, и то, что заставляет актеров-мужчин соперничать с актрисами-женщинами. Я наблюдала это в театре сплошь и рядом. Но сейчас я уже не столь категорична. Быть актером ведь тоже духовная миссия. Важно только, что ты несешь людям. Да и вообще, каждый должен выбирать свою судьбу сам... Не важно, какую профессию выберет Женя, важно, чтобы его внутренний стержень был достаточно крепким. И если он решит стать актером, будучи уверенным, что это его призвание, что ж, так тому и быть...

Татьяна ЗАЙЦЕВА
Фото Елены СУХОВОЙ

